

Питбуль для училки

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18+

Галина Череди́й

Питбуль для училки

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Чередий Г. В.

Питбуль для училки / Г. В. Чередий — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Ее жизнь — повод для зависти окружающих и коллег. Муж — первая любовь, сын, хорошая квартира, дорогие наряды, иномарка — и все это у простой учительницы начальных классов в девяностые, когда вокруг люди едва сводят концы с концами. Вот только никто не знает, что за этим фасадом уже давно разрушенные мечты, измены и ежедневный страх. Он решил, что ему уже ничего в этой жизни не светит. Кому нужен калека. Жизнь отставника-пенсионера с капустой и помидорами — вот его удел. Но случайная встреча в грозу на лесной дороге меняет все для обоих. Ей предстоит выяснить, есть ли настоящие мужчины, те самые, что как стена. Ему — можно ли влюбиться в его годы впервые и навсегда. Книга четвертая о созвездии настоящих мужчин из «Ориона». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Галина Чередий

Питбуль для училки

Глава 1

– Да с какой такой стати я должна переться в эту херову пырловку! – встала в позу рыжая зараза.

– Деревню Юрловка, где, между прочим, активно строится сейчас коттеджный поселок для весьма состоятельных граждан, – невозмутимо поправил ее я, продолжая укладывать вещи в чемодан.

– Бла-бла-бла, плевала я, как эта мухосрань называется! Какого хера я должна туда переться?

– Потому что я уезжаю на три месяца и не смогу за тобой присматривать, – все так же невозмутимо продолжал я. Когда повторяешь упертой девчонке что-то в тысячу первый раз, глупо злиться. На Лизку я в принципе давно перестал раздражаться. И с самого же начала было понятно, что она, по своей сути, совсем не такая, какой старательно хочет казаться. Я все еще не докопался, что за травма заставляет ее являть миру личину хамовитой бунтарки. Но такие откровения не приходят сразу. В любом случае, если ты мужчина, то хоть в кровь разбейся, но держи свое слово и взятые на себя обязательства. А я с какого-то дуру пообещал этой мелкой фурии заботиться о ней. А значит, должен озадачиться вопросом, кто присмотрит за этим рыжим чудовищем на время моей последней командировки в одну из «дружественных африканских стран».

Хотя правильнее будет ее назвать ссылкой с чрезвычайно большой вероятностью вернуться на родину «грузом двести». Вот поэтому мне и нужно пристроить свою ржавую обезьянку в надежные и достаточно крепкие руки.

– Я тебе питомец, что ли, долбаный, чтобы пристраивать меня на передержку? – Лизка стиснула кулаки и прищурила зло свои глазенки.

– Нет, Лиза, ты человек, за которого я взял на себя ответственность. Но в связи с обстоятельствами, возникшими по прекрасно известной тебе причине, я должен пока делегировать эту ответственность другим людям.

– Бля, вот кончай это, Корнилов! Аж бесит, когда ты вот так невозмутимо умничаешь!

– Я тоже не в восторге от того, что мне приходится в который раз объяснять тебе вещи, которые ты и так прекрасно знаешь и понимаешь. – Я застегнул чемодан и поставил его на пол. – Ты собралась?

– Нет! И не хочу! – Лизка топнула в гневе, но тут же сделала брови домиком и шмыгнула носом, делая жалобный вид. О, вот сейчас на сцену выйдет няха-притворяха. – Ну почему я не могу остаться тут, в твоей квартире? Я буду вести себя идеально. Клянусь! Никаких гулянок. С кем гулять? У меня и друзей-то нет. – Да-да, друзей-то, может, и нет, но компанию на потусить у нее просто феноменальная способность найти где угодно. Вот, правда, мозгов не нажать в той компании проблем на свою жопку еще нет. Плюс характер, что порох. – Буду как мышь под веником сидеть, честно! Ми-и-иш! Ну, пожалуйста-а-а-а!

– Нет, Лиза.

– Ну почему?

Потому что я не могу быть уверен, что никто тебя, дурынду, не обидит. Потому что ты раздолбайка, и если тебя не гонять, то учиться не будешь. Потому что я должен знать, что кто-то проследит за тем, что у тебя будет завтрак-обед-ужин и ты не усохнешь с голоду. И самое главное «потому что» – это то, что я совсем не хочу, вернувшись, если так повезет, узнать, что

меня таки прицельно проучили за неповиновение полностью и ты пропала без вести, или твое тело нашли как-нибудь. Кто знает степень мстительности тех мразей, кто затаривался «свежим юным мясцом» в том поганом приюте? Да, Лизка нигде не фигурировала во время скандала. Эта мелкая засранка вообще пропала из загородного дома, где я и журналисты прятали приютских поначалу. А потом, пару месяцев спустя, просто подошла ко мне на улице. Выглядела как бомжонок, ей-богу, пахла так же. Тощая – хоть плачь, но взгляд все тот же дерзкий.

– Слышь, капитан, жить меня к себе возьмешь? – шмыгнув носом, спросила, натягивая рукава тонкой куртки так, чтобы спрятать замерзшие наверняка кисти. – А то на улице что-то стало холодать.

Ну я и взял. А куда ее денешь? Не в новый приют же пристраивать.

И да, мы с орионовцами слепили ей доки, по которым она якобы моя очень-очень дальняя родственница. Но этой филькиной грамотой можно было глаза только участковому и соседям прикрыть. Если ей заинтересуются спецы из моей конторы, то на раз выяснят, кто она. И если мне организовали эту предувольнительную последнюю (во всех смыслах может стать) командировку, то что с ней способны сделать – черт знает. Я-то и сразу хотел ее пристроить кому-нибудь, дом найти понадежнее моего. Но эта рыжая зараза пригрозила сбежать опять.

– Потому что не можешь, Лиза, и мы уже об этом говорили. Я должен точно знать, что ты в порядке и под присмотром.

А еще то, что если меня и привезут на родину в цинковом ящике, ты не останешься совсем одна.

– А ничего, что мне уже восемнадцать?! – вмиг из жалобного пушистика выскочила истинная натура рыжей уличной бойцовской кошки. – Ты, на хрен, не смеешь распоряжаться мною!

– Смею. И это, как и то, что ты прекращаешь ругаться, было у нас изначально обговорено. Или ты не собираешься держать свое слово?

– Засранец! – огрызнулась Лизка, но сдулась. Она упертая, взрывная, бесится от контроля, но честная. Если что пообещала – задней не включит. За это я ее... Короче, привязался очень.

– Иди, вещи собирай, обезьянка.

– Здрасти, – едва не плюнула через губу Лизка, выбираясь из машины во дворе нового коттеджа семейства Камневых, когда я открыл ей дверцу.

На самом деле, выбор был между роскошным особняком Стального короля и домом Камневых, едва справивших новоселье. Я решил все же пока озадачить Камневых. От города подальше, соблазнов Лизке поменьше. И интуиция мне подсказывала, что с Роксаной она не только поладит, но и, даст бог, откроется ей, хоть чуть. Было в этих двух особях женского пола что-то похожее. Что-то, что иногда еще мелькало в глазах Роксаны, а вот в зеленых зенках моей ржавчины жило все время. Когда-нибудь разберусь. А может, и не я, а хороший парень, которого я для начала проверю на все, вплоть до того, если ли у него, мать его, глисты.

Короче, Камневу, с ее, само собой, пробитым мною прошлым, я счел лучшим вариантом, нежели слишком уж мягкую, как по мне, Александру уже Шаповалову.

Роксана и просечет, как говорится, все хитрости ржавой обезьянки, и на место поставит эту языкатую.

Нас прямо вся орионовская делегация встречала. Три, блин, богатыря как на подбор. Мрачный, с острым взглядом Камнев, вечно чему-то скалящийся, белобрысый Боев и слегка раскабаневший на хороших харчах Шаповалов. Мужик с какими-то волчьими глазами. Смотришь в них и не знаешь, что он сделает в следующую минуту: атакует или улыбнется во все

тридцать два. И всех их с определенного времени я рискую называть друзьями. Не вслух, конечно. Хорошие люди и правильные мужики. При всем том, что точно знаю, что сделали. Иногда быть хорошим – это вовсе не носить нимб и поступать в рамках закона. Что поделать, реальная жизнь далека от справедливости.

– В амбалье царство меня привез, – пробубнила моя ржавчина, зыря на всех неприветливо.

– Здравствуй, Лиза. Рад видеть тебя в нашем доме, – на правах хозяина приветствовал Ярослав.

– А я... ну тоже как бы рада, – тяжкий страдальческий вздох, – слегка.

– Ну да, ну да, – ухмыльнулся понимающе Боев. – А я-то думаю, чё это на твоём лице, а оно, оказывается, радость.

– Посторонись, Казанова на пенсии, – проскользнула между мужчинами стройная и очень уж хрупкая на фоне этих бугаев жена Камнева. – Привет, Лиза.

На руках она держала пухлую малышку в розовом комбинезончике с черепами.

– Рокс... – недовольно проворчал Ярослав и отобрал ребенка. – Мишка где?

– Спит как всегда. Я – Роксана, – протянула она руку.

– Спиногрызов ваших нянчить не стану, сразу говорю, – нелюбезно отозвалась Лизка, но вот же дурында умиления во взгляде на мелкую скрыть не смогла. – Где тут в ваших хоромах мне кости кинуть можно?

– Пойдем покажу, – кивком пригласил ее Камнев.

– Ну... – Лизка уставилась мне в глаза цепко, часто сглатывая, даже на секунду показалось – заревет или упрется намертво и скажет «не пойду и все». – Давай, до встречи, Корнилов. Ждать особо не буду, – и, мотнув рыжим хвостом, девушка ушла, скрываясь в доме.

– Хм... – прикусила губу с пирсингом хозяйка дома.

– Вы ее особо не расслабляйте. Она актриса та еще. И больной прикинется, и послушенькой. Ну и психованная, когда не прокатывает у нее что-то, имейте в виду, – перечислил я.

– Угу, а еще влюблена в тебя без памяти, – сказала Роксана.

– Ну я ее тоже люблю.

– Только не так, как ей хочется. Ладно, уживемся, если сразу не поубиваем друг друга. Удачно съездить, Михаил.

– А может, и так, да? – подмигнул мне Боев, как только Камнева скрылась в доме.

– Ты о чем? – не сразу сообразил я.

– Да все о том же. А чё, норм вариант. Девочка – картинка, молодая, под себя заточишь, от выкрутасов отучишь, в сексе, как тебе надо, адрессируешь.

– Ты *банулся такое о ребенке, считай, нести? – Я и сам не понял, как подступил к этому весельчаку и схватил за грудки.

– Тихо, тормози, Корнилов, – положил мне руку на плечо молчавший до сих пор Шаповалов.

– За языком своим пусть следит, а еще лучше за мыслишкам похабными. Он на твоей сестре, что вот-вот родит, между прочим, женат, а сам Лизку...

– Э-э-э... ты фильтруй, чё несешь! – от веселья Боева тут же не осталось и следа, на меня ощерился хищник в человеческом облики. – Катку и не упоминай при таком, мужик! Я просто предположил. Пялишься же на девку, как на свою.

– Свою, да. Она мне как... родня, а не то, что ты приплетаешь!

– Ну прости, Корнилов, попутал, каюсь, – выставил ладони перед собой Андрей. – Однако ждет тогда девчонку разочарование, потому как погребушка права: она в тебя влюблена.

– Дурость все это, и детство в жопе играет, – отмахнулся я. – Встретит парня-ровесника – и все мигом повывает.

– Ну дай-то бог, – буркнул Боев. – Эй, Колян, а ты в нем ошибся.

– В смысле? – нахмурился Шаповалов.

– Да в прямом. Он тебя, Корнилов, за глаза в свое время псиной борзой окрестил, без обид. А ты не борзюк. Ты самый натуральный питбуль.

Да пофиг мне на псину. Я она и есть пока. Пес был служивый, охотничий, это точно. А вот когда дело касается своего... то да, питбуль и есть, похоже.

– Давай, Корнилов! – хлопнул меня по плечу Николай глядя пристально. – Чуток осталось.

– Да, мужик, живым возвращайся главное и свою рыжую захребетницу забирай обратно, – напутствовал меня Андрей.

Глава 2

– Сережа, я выгляжу в этом так, будто кого-то вырвало стразами на меня. – От того, насколько безвкусным чучелом я смотрюсь в этом ужасном велюровом костюме цвета ядовито-розовой жвачки, усыпанном мелкими блестяшками повсюду, у меня буквально задергался правый глаз и заломило в висках. Или это от тягостного предчувствия стольких часов, что вынуждена буду провести в обществе этих новых быдлоковатых, прости господи, друзей моего мужа и их безмозглых телок. Нет, боже упаси, я не навешиваю на людей с ходу ярлыки и не считаю себя белой костью какой-нибудь, но по-другому этих девиц и не назовешь.

Вечно все как на подбор – крашенные блондинки с химической завивкой, одеты так, чтобы показать куда как больше, нежели спрятать. Накрашены настолько, что удивительно, что глаза с этими жуткими жирными стрелками и накладными ресницами открываются. Говорят, а точнее уж, канючат зачем-то противно писклявыми голосками, которые мигом трансформируются в стервозное змеиное шипение, едва их спутники оказываются вне зоны поражения их сомнительного обаяния. Хотя чего уж сомнительного, если девушек исключительно такого типа на эти посиделки и приглашали, и, судя по хвастовству подарками друг перед другом, мужчины были с ними весьма щедры. Как же они всегда пронзительно визжат и тут же хихикают, позволяя себя шлепать по заднице и лапать за грудь, не скрываясь. Смеются над одними и теми же пошлейшими анекдотами, сюсюкают в ответ на откровенную грубость. Нет, я понимаю, что это ни черта не мое дело и нет права судить. Жизнь сейчас сложная, и многие понятия перевернулись с ног на голову. Но меня каждый раз прямо-таки тошнить от этого зрелища начинало, а Сергей бесился. Смотрю я не так на его дружков и их пассий.

– Ленка, мозги мне не засирай, а! – огрызнулся, как обычно в последнее время, муж. – Я за это тряпье кучу бабла отслонявил, и девка-продавщица сказала, что сейчас это самая круть. Моя жена не появится на людях как дешевка какая-то. Пусть все видят, что лавэ у меня водится.

Господи, вот как раз в этом я дешевка дешевкой, ходячее клубничное мороженое. Цвет вообще не мой, я же рыжая от природы, хоть уже и практически забыла об этом. Почти сразу после свадьбы покрасила волосы в каштановый, по настоянию супруга, да так и повелось. И стиль в одежде предпочитала сдержанно-элегантный, тем более профессия обязывает. Впрочем, некоторые мои коллеги не особенно стеснялись носить одежду с глубокими декольте или юбками сильно выше колена, использовать яркий макияж. А в новой компании моего мужа моя манера одеваться и подавно не одобрялась. О чем он мне и сообщал неоднократно. И вот ждать, когда я сама стану следовать их «модным тенденциям» Сергею надоело. Принес это безобразие.

– Сереж, ну это же глупо. Шашлыки, трава там, мало ли, вино прольется, – сделала я еще попытку. Ну почему я не могу поехать хотя бы в джинсах и приличной футболке? – Испачкается. Да и зачем мне вообще ехать? Знаешь ведь, я не люблю этот отдых на природе. Да и маму твою напрягать с Федькой сидеть. Он с ней не любит, будет капризничать, а она нервничать.

Правильнее будет сказать, что это бабушка совсем не рада сидеть с внуком. Но с Сергеем ссориться не хочет, невыгодно, так что смирется. Ну да, а потом неделями мне припоминает, цепляясь и придираясь ко всему, бубня по поводу и без, что я дерьмовая мать и паршивая жена, и лучше бы Сережа на Маринке из дома напротив женился, гулял ведь с ней, и так далее. Вот она бы его любила и обихаживала как надо, ребенка бы на нее, больную, несчастную, не вешала. И плевать, что это Сергей настаивал на этих моих выходах на гулянки с его дружками, чтобы, напиваясь, потом хвастаться, словно какой-то престижной вещью, что ли. И он же был против нанимать няню, огрызаясь, что с его наследником чужие бабы сидеть не будут, своих

хватает. Но крайняя-то все равно выхожу я. Не было у нас так ведь сначала, а вот стало. И все чаще себя спрашиваю, что стану делать, если дальше еще хуже будет.

– Ленка, не доставай меня! Шевелись лучше и губы, что ли, накрась поярче как, – велел Сергей. – Вечно бледная, ну чисто смерть. Испачкается тряпка – выкинешь, хер с ней.

– Сереж, не ругайся, мелкий слышит.

– Ну и пусть слушает! Мужиком пусть растет, а не сю-сю каким, что за мамку вечно цепляется. Привыкает пусть сам и с бабкой вон. И старая тоже отрабатывать должна, а то каждый день – дай на то, дай на это.

– Сережа, потише, прошу!

– Я в своем доме! Хер ли шептать должен?! – он нарочно еще и повысил голос.

– Ты уже выпил? – насторожилась я.

– Отчитываться перед тобой, что ли, должен?

– Сереж, я не поеду с тобой выпившим, – развернулась я к нему решительно.

– Поедешь! Вот ты как раз за руль и сядешь, – он подступил ко мне, вжав спиной в зеркало, и обхватил подбородок, стиснув его до легкой боли, и пристально уставился в глаза. – Сам Сван сказал, чтобы я с тобой был. Запал, видно, на тебя, жук старый, запа-а-ал. – Муж запрокинул мне голову, продолжая смотреть уже с каким-то злорадством. – А чего же не запасть, если глаза у мужика есть, да, Ленка? Ты же у меня не тем проשמандовкам, что рядом с ними выются, чета. Штучная вещь. Знал, что брал.

Сергей засопел, явно начав возбуждаться. Прошелся рукой по боку, сграбастал грудь, ныряя второй под пояс штанов.

– Давай разок по-быстрому, Ленка, – пробормотал он сипло, тыкаясь лицом в изгиб шеи. – Рачком встанешь...

Я дернула головой, освобождаясь, и выскользнула из-под него.

– Ты говорил, мы торопимся. – Мне было и горько, и противно, и стыдно одновременно. Горько за себя, вынужденную терпеть неутоленное желание, но отказываться. Противно от того, какой стала наша близость. Отвратительной. А стыдно потому что... ну что я за жена, если всячески избегаю заниматься сексом с мужем. Но на это были причины.

– Торопимся. Но ночью мне дашь! Поняла? – Сергей демонстративно поправил себя в штанах. – Я твой муж и право имею.

Да и вот она одна из причин. Я право имею. Мне надо. Что-то не так – твои проблемы.

Когда-то у нас был замечательный секс. Мне, конечно, сравнивать не с кем, с Сергеем мы вместе еще со старшего класса школы, но было-то хорошо. По-настоящему хорошо. Но после рождения Феди у меня появились проблемы с тем, чтобы завестись. А Сергей, наоборот, стал лениться тратить время на прелюдию. И мои жалобы на дискомфорт и то, что я просто не успеваю с ним получить удовольствие, сначала практически игнорировал. Убеждал, что это со мной что-то стало не так, ему-то по-прежнему нормально. А потом и просто злился, однажды даже накричал, что это не его трудности. Он нормальный мужик, все у него работает как надо, и ему нужен секс, он меня хочет, и я должна ему давать. Давать. Вот так наша близость, нежность, страсть и стала обязателькой ему давать. От которой я, само собой, старалась уклоняться как могла. И да, я знаю, что такие вещи в семье необходимо обсуждать. Но с некоторых пор с моим мужем ничего нельзя обсудить, не наравшись на грубость. Вот и было у нас в постели не пойми что. Чаще всего утром, если не успевала вовремя ускользнуть из кровати, Сергей пристраивался сзади или наваливался, перевернув на живот, и получал свое. Для меня же секс стал только тем, после чего надо пойти подмыться. И это даже если не поддаваться отвращению, вспоминая ехидные слова одной из подвыпивших девиц, что в тех случаях, когда Сергей не привозит меня на их гульбища, он совсем не остается в одиночестве, и его участвовавшие приходы далеко за полночь со стойкими запахами дерьмовых духов. Кстати, ни разу после того

откровения я ни на одном сборище ту девушку не видела, а другие со мной толком и не общались.

– От Свана, смотри, не шарахайся мне, – принялся наставлять меня муж уже в пути. – Он говорит, что поболтать с тобой приятно. А я думаю, что просто вы*бать тебя хочет, хмырь. Аж подпекает его.

– Сережа, можно не материться?

– Нет, бля, нельзя! Своих утырков малолетних поучай, училка. Я муж твой и взрослый мужик. И словеса культурные разводить не обязан. Позориться еще перед братвой.

Господи, а когда-то стихи мне писал. Простенькие, с кучей ошибок, но писал ведь.

– Вот ваш Сван не ругается, при мне по крайней мере, но вы его уважаете, – на самом деле от этого Свана, представившегося Георгием Владимировичем и звавшим меня тоже исключительно по имени отчеству, у меня не просто мурашки. Кровь стынет от взгляда этого... вот язык не поворачивается человеком назвать. И лицо, все черты какие-то звериные, и взгляд такой же. Посмотришь – и сразу понимаешь, что этому типу убить ничего не стоит.

– Ну так говорю же, мечтает тебя старый на спину завалить, вот и производит впечатление, – ухмыльнулся муж.

– Так зачем ты меня туда везешь, если такое думаешь?

– Ты тупая, что ли, Ленка? Сван сказал, чтоб с тобой был. С ним не спорят.

– Я могла бы сказать, что больная. Зачем глаза мозолить, если ты уверен, что я нравлюсь ему.

– «Нравлюсь», – фыркнул Сергей насмешливо. – Отодрать он тебя хочет. Но Сван – мужик с понятиями. Сам он к чужой бабе ни за что не полезет. Если завалит, значит, это ты виновата и повод дала, ясно? Смотри у меня, Ленка! Улыбаться улыбайся, он от этого добреет, глядишь, меня старшим над братвой поставит. Но не дай бог будет чё, и я узнаю... Завалю суку, поняла?

– Ты хоть понимаешь, насколько отвратительно со мной поступаешь? Я не хочу, ты понимаешь? Ни гулянок этих ваших не хочу, ни на рожи дружков твоих смотреть, ни Георгию этому жуткому улыбаться, думая каждую секунду, как бы не ошибиться!

– А жить хорошо хочешь? Как оно, простой училке на работу на иномарке своей кататься, а? А квартиру новую хочешь? Не облезешь! Все так живут. Я тебя содержал, пока училась, и содержу сейчас, пока ты отсиживаешься на своей беспонтовой работе, вот и ты постарайся для семьи. Улыбайся, бля, улыбайся.

Господи сколько было моих слез, уговоров, даже угроз, когда узнала, с кем он связался. Но ничего не сработало.

– Не будь дурой, Ленка, это тебе не кирпичный, сука, завод. Тут нельзя, захотел – работаешь, а захотел – уволился. Навсегда это, ясно? Уйти можно только на тот свет. Навсегда. Как ты со мной. Сечешь?

Куда исчез мой Сережа Крупенин? Мальчик, что защищал меня от всех за то, что дразнили очкастой и заучкой рыжей? Парень, что целовывал все до единой мои веснушки, пока я таяла в его объятиях от нежности и счастья? Мужчина мой, первый и единственный, любимый до боли в сердце. В какой момент я стала его бояться и содрогаться от брезгливости от прикосновений. Неужели ничего уже не вернуть, и это и есть моя реальная жизнь? Ведь я знаю, что он ни капли не шутит. Убьет, если попробую уйти. Тот, каким был, не тронул бы. Тот, каким стал сейчас, – запросто.

Глава 3

Я мотнул отрицательно головой, заметив, как в мою сторону двинулась, зазывно покачивая бедрами, очередная местная ночная бабочка. Не то чтобы я не попробовал, каково это – попотеть немного в обществе темнокожей феи. Мужик – скотина любопытная и всеядная, особенно мужик свободный, так почему бы и нет, если и возможность есть и финансы позволяют. Ну что сказать, это был не тот опыт, который я буду вспоминать с замиранием сердца и жгучим желанием повторить годы спустя. Было и было, хотя до этого слышал от парочки вояк, что они переживали нечто невероятное и прямо подсаживались на местных путан. На самом деле, в моей жизни так и не случилось такой женщины, чтобы прямо рехнуться и взгляд то и дело заволакивало похотью даже при одной мысли, что увижу ее снова. Вообще. Увлечения, первая любовь была, все как у всех. Но никаких страстей за гранью. То ли склад ума у меня такой, что не позволяет ухнуться в бешеное вожделение, забывая обо всем, то ли женщины мне встречались не те все. А сейчас и вовсе не до того. Тут надо думать, как свалить из этой жаркой экзотической страны живым и здоровым. Ведь отправили меня сюда расследовать два кучно случившихся самоубийства работников российской торговой компании в здешнем ее филиале, что в том числе занималась и обеспечением продовольствием нашего миротворческого контингента. А судя по тем документам, что я получил пару часов назад от своего добровольного информатора, махинации с обмундированием и продовольствием – херня. Тут всюду оружие сбывали боевикам, выкормышам заокеанских спецслужб. Тем самым, что потом по нашим пацанам и стреляли. У*баны, сука, алчные. А это уже ни черта не моя вотчина, это уже к внешней разведке, потому как и госизменой пахнет так душевно, и чины замараны, что потеряют тебя мигом. А мне оно не надо. Я со службой на благо государства, которым правят до мозга костей проворовавшиеся чинуши и недовояки с большими звездами на погонах, закончил. Кончился во мне патриот, с незамутненным взглядом выполняющий любой приказ, после понимания, что те самые мои командиры и прочие отцы народа как минимум закрывают глаза на существование мерзких приютов, торгующих детьми, из какого Лизку мою вытащили. Я домой хочу. Вон в «Орион» пойду, как Шаповалов с Камневым предложили. Буду им налаживать направление личной охраны для VIP-персон. Раньше они и сами справлялись, как-то все вокруг попроще было. Но время идет, народ состоятельный из наших соотечественников все взыскательнее, требовательней и, чего душой кривить, откровенно капризнее становится, а криминал гораздо изощреннее и изобретательнее. Проходит время примитивных гопников или тупых боевиков со стволами, что палат из окон машин. Теперь защитить того, кого реально хотят замочить, уже высокое искусство с сотнями тонкостей, а не чисто мрачные качки вокруг охраняемого «тела» стеной. Так что придется набирать парней посмекалистее и обучать чуть ли не с нуля. Короче, не помру с голодухи на вольных хлебах и Лизку прокормлю и выучу. Буду гонять, засранку ленивую, чтобы отличница у меня была, потом замуж отдам. Дачу куплю, капусту выращивать стану. Помидоры опять же. Люблю я их. Женюсь где-то между всей этой тусней. Когда-то же надо. Пусть кто-то трется рядом, не все же одному.

Вот только что-то чувствует мое многоопытное седалище, как вокруг будто воздух сгущается. И все эти почти пасторальные картинки мирной жизни на гражданке вроде как отдаляются и размываются, а все окружающее, наоборот, с запредельной четкостью начинает восприниматься. Каждое движение вокруг, взгляды, звуки. Это как знать, что небо чистое, солнце лучистое, но все твоё нутро, и особенно места четырех ножевых и двух огнестрелов, воеет, что вот-вот гроза грянет. А я знаю, к чему такое.

Подчиняясь чисто интуитивному импульсу, я вышел в местные «удобства» с чудовищными запахами, аккуратно сложил по карманам пиджака документы, перекинул его через плечо и сунул почти демонстративно пустую папку подмышку. Смешные примитивные мани-

пуляции, рассчитанные чисто на лохов, но хоть что-то. Пиджак с компроматом протянул бармену, он же хозяин заведения, сопроводив это двадцаткой, в полный голос попросив присмотреть, пока я пройдуся «в поисках приключений».

– Соломон, дружище, отдать это нужно только тому, кто скажет «ржавчина», понял? – прошептал очень тихо, так, чтобы на фоне музыки в заведении услышал только он. Повторил русское незнакомое ему слово еще пару раз.

Африканец оказался сообразительным и подтвердил понимание только взглядом. Я отдаю себе отчет, что он с лету продаст оставленное на хранение, только деньги покажут или если припугнут, но авось и прокатит. На родину должен попасть или я, или эти бумажки. Раньше я бы весь из себя служивый пес и патриот, сказал: главное – они и дать делу ход, и все такое. Сейчас... короче, не тот уж я. Не тот. Перегорел, похоже.

Выйдя на улицу, я незаметно оглядывался, ожидая нападения. А чего им тянуть? Главное же, по логике, не дать мне добраться до базы, все скопировать и отправить факсом домой. Так что самое время. Что это будет? Имитация уличного ограбления? Сценарий с очередным самоубийством на пустом месте больше не прокатит. Так что или ограбление, или нападение боевиков.

Но до открытого служебного «Уазика», на которых тут передвигались все россияне, я дошел без инцидентов. Бегло осмотрел на предмет взрывоопасных сюрпризов, ничего не нашел. Что, и даже гадину какую сильно ядовитую, коих тут в достатке, не подкинули? Тоже, кстати, был бы вариант, хоть и без стопроцентной гарантии моего летального исхода. Мало ли, вдруг организм не сильно к яду окажется восприимчив, или до госпиталя с противоядием оперативно довезут. А может, и зря я себя накрутил. Конечно, с самого момента прибытия я видел, что за мной ходят. Но сегодня, добираясь до места встречи, следы путал, как мог. Сработало?

О том, что я зря обольщался своими способностями сбрасывать хвосты, сообщила мне яркая вспышка слева, прямо в узком проулке, мимо которого я как раз проезжал. Мысль – гранатомет! – мелькнула одновременно с тем, как я что есть сил крутанул рулем, ударив по газам.

– Тихо-тихо, сынок, лежи! – голос незнакомой женщины просочился в сознание, затопленное сплошным огнем и болью. – Все хорошо, милый, успели, довели. Сейчас тебя сразу на стол, стабилизируют, и на самолет. Полетишь в Москву, милый, а там все поправят, соберут, и станешь лучше, чем был.

– На... – Горло драло адски, глаза не открывались ни в какую, зато боль будто стала отступать, прихватывая и вообще все ощущения в теле, в сознании мутнело. – Пить дайте. – Губ что-то коснулось, и на язык потекла вода. Самая малость, но горло чуть отпустило. – Насколько плохо все?

– Да ты о том не думай сейчас. Засыпай.

– Насколько?!

– Жив ты. Радуйся. Остальное – ерунда все.

Я бы хотел потребовать правду, всю информацию без утаивания, но действительно стал отключаться опять.

– Глаза?... – только и пробормотал, почти во сне.

– Нормально с ними все. Тут тебе совсем повезло, сынок.

– Капитан, вам пора остановиться! – строго нахмурилась мой лечащий врач, глянув на меня, утирающего футболкой лоб. – Вы уже полтора часа на дорожке и бегом к тому же, а мое назначение – сорок пять минут исключительно шагом.

Красивая баба, чуть старше меня. Насколько знаю, одинокая. В паху потянуло, член отяжелел, напоминая о том, как давно у меня не было ни с кем. Почему бы и нет? Но... нет. Я свой хлеб не так уж и зря ел на службе. Хотела бы эта привлекательная женщина краткосрочных интрижек, то в претендентах на постель согреть, как в мусоре бы копалась. Работает в госпитале, где сплошь и рядом вот такие, как я. Голодные до секса, потому что внезапно живые и не сдохли, а только по грани прошли, относительно молодые мужики. Да только чую я, что она из тех, кому надо всерьез, не на сейчас поиграться. А я врать не собираюсь. И предлагать ничего тоже. И нечего пока и не хочу. Чую, если и будет у меня дача с капустой и помидорами, то без промежуточного звена в качестве жены. На кой я кому сдался теперь, в неполной, бля, комплектации.

– Все в порядке со мной, Лилия Андреевна! – ответил, скрывая похотливый блеск в глазах. Она хороший человек. А я хочу не ее. Любую. Я жизнь снова ощутить хочу просто. А это суть – использование кого-то. Вариант для той, кто готов на это осмысленно и использует в ответ. Не ее это, вижу же, и все на этом. – Пора меня выпускать. Здоров, как бык.

– Присядьте, Корнилов, – велела женщина, села передо мной, открывая вид на заманчивую ложбинку между грудями, и принялась расстегивать крепления протеза. – Ну вот, о чем я и говорю! Опять все в мозолях кровавых! Так нельзя, надо постепенно добиваться огрубения тканей культи!

Культи! Меня от слова этого самого скручивало. Прекрати, истеричка конченная, а не мужик! Сдохнуть разве выбрал бы?

– Не хочу я ничего постепенного, – возразил я, и она подняла на меня глаза. Карие, красивые. И губы полные. И все так близко. Член снова налился, похоть покатила по телу потоком, добираясь до разума. И вижу ведь – хочет. Только руку протянуть.

– Вы очень сильный мужчина, капитан Корнилов, – прошептала она. – Но сейчас требуется именно терпение и постепенность. Торопиться некуда, это долгий путь.

А говорит же не только о моей ноге. Скорее уж точно не о ней, судя по тому, что обе ладони уже на моих бедрах лежат, провоцируя на действие теплом, и смотрит все так же, неотрывно и голодно, но при этом будто просит о чем-то. О чем-то таком, что я не дам ей.

– Лилия Андреевна, я не хочу ничего постепенного и долгого, – повторил я, говоря уже о другом. – Только здесь и сейчас.

– Возможно, позже, – пробормотала она, поднимаясь и отводя глаза, в которых мелькнуло разочарование, и щеки ее вспыхнули.

– Угу, но вряд ли.

– Вот ты, Корнилов, и козлина! – шагнул мне навстречу Шаповалов и как-то неловко дернулся, будто хотел поддержать на железных ступенях вагона, на что я оскалился. Еще не хватало. – Сколько недель отлеживался по госпиталям, а нам хоть бы полсловечка весточки послал!

– А чего слать? Таскались бы ко мне с апельсинами? Так я их не люблю.

– Не корчи из себя большего говнюка, чем на самом деле являешься, – огрызнулся Николай. – Лизка вон извелась вся, а в вашей конторе и узнать-то ничего нельзя, где ты, да что с тобой. Секретность ваша *баная.

– А мне прям надо было, чтобы она узнала, что со мной. Зачем? Чтобы потом ее с водосточной трубы снимали?

– Эта бы полезла, точно, – фыркнул бывший поделщик. – Хотя сейчас, знаешь, поутихла она. Сдружались они с Камневой, слушает Роксану во всем, с детьми помогает. Зубрит что-то. Но ведь ждет тебя, видно. Ты не передумал?

Он открыл с брелока тачку, жестом предлагая мне устраиваться, и больше не дергался помочь как ущербному – просек, что бесит.

– Насчет чего? – не понял я.

– Ну, насчет... ты и Лизка, туда-сюда, семья.

– Мы и так семья, без всяких туда-сюда. Рехнулся ты?

– Ну... она бы заботилась...

– Знаешь, пойду я, пожалуй, – распахиваясь, я полез из салона.

– Да какого ты, Корнилов!

– А такого! Это я взялся о ней заботиться, я! С хера ли теперь все так поменялось, чтобы я захотел ей себя повесить на шею и жизнь пересрать? Она мне как дочь, я же вам говорил!

– Но не дочь же.

– Да иди ты!

– Ладно, кончай беситься. Поехали уже к Камневым, прибукнем за твое возвращение и потолкуем обо всем спокойно.

О чем тут толковать? Уж не обо мне и Лизке в подобном плане. Чушь какая.

Глава 4

– Елена Валерьевна, я хотел бы показать вам, какую красоту тут мне на участке устроили, – обратился ко мне, едва заметно коснувшись тыльной стороны кисти кончиками пальцев, Сван. – Не против немного пройтись и потерпеть мое хвастовство?

Я вздрогнула от его касания, но тут же взяла себя в руки, натянув улыбку. На самом деле я уже дико устала. Стоило только нам с Сергеем войти на террасу огромного деревянного коттеджа в три этажа, где и был накрыт ломившийся от изобилия стол, хозяин дома поднялся и пошел нам навстречу. Что сразу же притянуло все взгляды. Понимающие глумливые от друзей мужа и откровенно завистливо-злые от девиц.

Выяснилось, что место нам с Сергеем отведено рядом с именинником, так, чтобы Георгию было удобно ухаживать за мной, беседуя и вынуждая отворачиваться от мужа. Впрочем, я что-то не заметила, чтобы моего благоверного это напрягло. Наоборот, мне почудилось, что он поглядывает и на меня, напряженную внутренне, как струна, от тревоги в чем-то ошибиться, и на окружающих с каким-то торжеством, будто все складывалось, как он и задумал. А вот мне расслабиться не помогло и вино, которое практически принуждал меня пить гостеприимный хозяин. Моя попытка отвертеться, мотивируя тем, что мне еще обратно машину вести, была пресечена на корню приглашением переночевать, на что мой супруг с лету и согласился. Естественно и не подумав спросить моего мнения.

Спустя пару часов Сергей вообще бросил меня, по сути, уйдя сначала к друзьям с их подружками, что толклись у огромного мангала, а потом я его и вовсе перестала видеть. И это после всего того, что он наговорил мне о природе интереса ко мне своего... ну, назовем, босса.

– Так что, разомнем ноги, Елена Валерьева? – Сван поднялся, давая понять цепким псевдодружелюбным взглядом, что это предложение, от которого нельзя отказаться.

– Да, конечно, – кивнула я, принимая его протянутую руку, ощущая нечто вроде обреченности.

Весь вечер мужчина был очень обходителен и много рассказывал о своих поездках за границу, особенно про Египет, где я так мечтала побывать с детства. Конечно, главными в его повествовании были не впечатления о памятниках архитектуры и музеях, а всевозможные развлечения и обслуживание в отелях, но все равно мне было реально интересно. Правда, безумно утомлял хрипящий из динамиков шансон, громкие, полные нецензурщины пьяные разговоры за столом и те самые бесконечные смех и визг девиц. Так что я не так уж и против прогулки. Ну не станет же Георгий на меня бросаться прямо в собственном дворе! Сергей сказал, что у него... как там... понятия. И в их среде это «лютый зашвар». Силой брать чужую женщину, жену. А вот интересно, просто ничью женщину можно? В общем, я поводов давать не собиралась, так что вроде вне опасности.

– Поглядите, Елена Валерьевна, вот тут у меня искусственный пруд, – явно с гордостью демонстрировал Сван работу ландшафтного дизайнера на своем огромном участке, обнесенном высоченным забором. Мельком подумалось, насколько же его доходы превышают наши, если он себе такое может позволить. – Вам нравится?

– Да-да, – немного рассеянно пробормотала, оглядывая живописные альпийские горки и группы явно очень недешевых крупных хвойников. – Жаль, что он зимой будет промерзать, скорее всего, до дна, а то можно было бы карпов кои запустить.

– Хм... Так и запустим, вы только скажите.

– Что, простите?

– Я говорю, что вам ведь достаточно сказать, Елена вы прекрасная, и все выполним. А чтобы не замерзло, построим вокруг какую-нибудь там теплицу или оранжерею. Так оно зовется?

– Я не понимаю... – смешавшись, я отпустила его локоть и попыталась отступить, но Сван с удивительной стремительностью сцапал меня за запястье и подтянул обратно.

– Не нужно так пугаться, Елена. Могу ведь я звать тебя так, мы же не первый день знакомы? – Я смотрела только на его кисть, удерживающую меня, и молчала. Ужасно некрасивые волосатые пальцы в тату, перстни, пара широких колец. – Я думаю, настало время для серьезного разговора, голубка.

– И о чем же?

– О тебе и обо мне, Елена.

– В каком смысле?

– В смысле, что пора перестать нам обоим делать вид, будто твой Серый – тот мужчина, что заслуживает такую женщину, как ты. Его уровень – это те самые писклявые размалеванные шмары, которых ты видела там за столом.

– Это...

– Неправда? – ухмыльнулся мужчина. – Скажи, вот так вырядиться сегодня разве не он заставил? Очки носить на сходняках запрещает, так? Стремается такой, какая ты есть. Цвет волос же этот не родной, так?

– Послушайте, Георгий Владимирович...

– Просто по имени, Лена, – велел он жестко. – И прежде чем отшивать меня, подумай. Подумай, что я могу дать такой женщине, а что твой недоумок Серый. Он же и не понимает, что ему досталась за женщина. Как такую, как ты, нужно достойно содержать и сколько на это бабок нужно.

– Я не...

– Он и дальше станет лепить из тебя дешевку, знаешь ведь. Опускаться до доступного ему уровня. А не опустишься – топтать станет. Или уже топчет, Лен?

– Да прекратите! Что у нас с мужем – это не ваше дело! Или вы с женщинами лучше обращаетесь? Я не слепая, вижу.

– Ты видела, как я с шалавами обхожусь. Не примеряй это на себя. С тобой я другим совсем буду. Соглашайся со мной жить, Лена, и все будет у тебя, что захочешь. Все, клянусь. Пацана перевезем. Подрастет – за границу учиться пошлем...

– Да вы в своем уме? Я замужем!

– Ну так я же не против, Лен. Мне, по нашим понятиям, жениться нельзя, я же в законе. Но ты всему тут хозяйкой и так будешь. Все на тебя перепишу, все, что имею, твое будет. А печать... черт с ней, пусть себе остается у тебя.

– Господи, да что за безумие! Вы как вообще... это же... Сергей... он...

– Он согласится, Лен, поверь.

– Ни за что!

– Хочешь спросим?

– Нет, не хочу! Я этого сама не хочу! И он вас боится, какой смысл спрашивать. Это бесчестно.

– Боятся-то – само собой, голубка, но тут вопрос в другом. Предложи я ему сейчас встать старшим над всеми, кто подо мной ходит, и он мне сам тебя сюда привезет. Потому что твой Серый – жадный до бабок и власти куда как сильнее, чем ревнивый.

– Нет! Неправда! – замотала я головой, выкручивая руку из его захвата. – Вам не понять! Сергей меня любит. Он просто связался... с вами. Его дружки затянули. Он другой. Он хороший, добрый, ему просто надо вылезти из вот этого всего, и он опять...

– Что, станет прежним добрым парнем, за которого ты вышла? – усмехнулся цинично Сван. – Ну-ну. Хорошо, Елена, не дергайся, я не насильник какой и принуждать не собираюсь. Я свое предложение сделал, а ты думай, думай и смотри на все уже как взрослая женщина. Цену себе, голубка, знать надо и за беспонтовый вариант не держаться.

– Это ужасный подход. В семье так нельзя.

– Да как скажешь, успокойся. Пойдем лучше я тебе покажу, какую баню отгрохал. Бассейн двадцать метров!

Георгий увлек меня за собой, будто сразу и забыв о нашем разговоре. Вел по хрустящей под подошвами дорожке, указывая то направо, то налево, хвастая всякими изысками, которые я, по сути, и не видела, все еще внутри клокотало и тряслось. Перед новеньким срубом, от которого пахло сосной и немного дымом, он чуть затормозил и внимательно глянул мне в лицо.

– Смотри, Лена, смотри. – Он толкнул дверь, из-за которой тоже был слышен ненавистный шансон, женский смех и мужские голоса.

Тамбур, и вот мы в большом предбаннике. Длинный стол, лавки, шкуры по стенам и огромный бильярдный стол, над которым мой Сергей нагнул какую-то девицу и вдалбливался в нее под глумливый гогот и комментарии своих дружков. Напротив тем же самым занималась еще одна парочка.

– Мужики, вы бы хоть предупреждали, – ухмыльнулся Сван. – А то я госте своей экскурсии устроил, а вы тут с шалавами балуетесь.

Сергей оглянулся через плечо, скользнув по мне совершенно рассредоточенным пьяным взглядом, очевидно и не сразу узнавая.

– Ленка, вон пошла! – рявкнул, отстранившись от своей партнерши, когда наконец дошло.

– Серый, язык прикуси, скотина пьяная! – прикрикнул на моего, моего мужа, имеющего на моих глазах девку, его босс и протянул мне руку, как ни в чем ни бывало. – Идемте, Лена. Уж простите, не хотел делать вас свидетельницей таких непотребств. Что поделать: молодежь, кровь горячая.

Я же, игнорируя его, попятилась прочь, чувствуя, что не могу дышать. Да, я догадывалась... что там... была практически уверена, что муж изменяет мне. Потому и не могла с ним спать. Брезговала. Как будто и проблем с возбуждением было недостаточно. Но одно дело понимать, что, скорее всего, измены бывают, а другое – увидеть все своими глазами. Да еще унижительно, так, чтобы у этого была куча свидетелей. Схватившись рукой за горло, будто это могло помочь вдохнуть, я быстро пошла прочь.

– Лена, стой, не нужно так расстраиваться! – догнал меня Сван и приобнял за плечи. – Я извиняюсь, что так вышло.

– О, ну да, конечно же совершенно случайно вышло само, Георгий Владимирович! – взорвавшись злостью, я вырвалась и развернулась, глядя на него в ярости. – Вы, само собой, и предположить не могли, чем они там занимаются, думали, плавали, а тут такое! Какая неожиданность и, главное, удачное совпадение!

– Удачного не вижу ничего, голубка, но все же это к лучшему. Я, согласись, понятия не мог иметь, что Серому приспичит прямо сейчас трахнуть эту шмару. Но до тебя должно дойти: это не в первый и не в последний раз. Не по-пацански так говорить, но правда есть правда. Вот это – его уровень, Лена. Его жизнь. Ему это в кайф. Никто его не втягивал. И никто, даже ты, сколько ни уговаривай, его не вытащит.

– Ленка! – заревел где-то сзади опаматовшийся, видно, муж. – Ленка, сюда иди! Ленка-а-а!

– Лена, просто скажи – и я его отсюда выставлю. Прими решение.

– Ленка-а-а!

У меня в голове и в груди будто что-то взорвалось. Боль. Такая сильная, что почудилось, что вывернула ребра наружу, и череп вот-вот тоже лопнет, как орех. Сорвавшись с места, я побежала. Металась между проклятыми деревьями, пока не выскочила к коттеджу. Метнувшись на террасу, схватила свою сумку и побежала вон со двора, сопровождаемая криками. Завела двигатель и рванула с места, успев засечь Свана, выскочившего из ворот.

Слезы никак не шли, они как будто застряли где-то, и от этого дико жгло глаза и в сердце. Думать не получалось. Перед мысленным взором на повторе проигрывалась картинка ритмично движущейся задницы Сергея в приспущенных штанах. Мерзко. Ожидаемо. Но все равно мерзко.

В зеркале заднего вида мелькнули вдали фары. Меня преследуют? Да что же еще от меня нужно? Раздавить окончательно?

Резко вильнула в первую попавшуюся неширокую улицу поселка. Через минуту еще и снова. Петляла до тех пор, пока не выскочила с асфальта на гравийку, а потом пошел лес и вообще началась размытая дождем грунтовая, где я и застряла в первой же глубокой луже. Буксовала, дергая машину вперед-назад до тех пор, пока она не заглохла и больше не завелась. Вот тут уже уткнулась лбом в руль и разревелась. Выла белугой, оплакивая себя, любовь свою, окончательно изгаженную и добытую. А ведь верила я. Верила, что не все для нас с Сережей потеряно. Что он осознает, перебесится. Ведь в душе не такой. А там, может, от той души уже и нет ничего. И я не хочу, не хочу уже ничего назад. Невозможно это.

Выла-выла, и вдруг кто-то громко постучал в окно. Я заорала, насмерть перепугавшись, и уставилась заплывшими глазами в темень снаружи сквозь запотевшее стекло. Нашли меня? Кто? Муж? Сван?

– Девушка, помощь нужна? – раздался совершенно незнакомый мужской голос, и я вздрогнула. Потому что у меня неожиданно по коже как колючий разряд промчался, поднимая дыбом волосы.

Глава 5

– Корнилов! – взвизгнула Лизка, ломанувшись навстречу. Слетела с крыльца камневого дома и понеслась на меня, а Шаповалов ей наперерез, но я отмахнулся от него. Небось не развалюсь.

Она запрыгнула на меня, что та мартышка на дерево, и я спрятал лицо в ее рыжих волосах, скрывая болезненную гримасу. Вдохнул. Вот кто бы знал, что так по этой дурынде соскучился. Прямо домом от нее пахнет. Моей мирной новой жизнью. Хотя чую, с этой бесовкой ее можно мирной будет только условно называть. Но все равно. Детей никогда не хотел. Даже не размышлял в эту сторону. А тут вперлось в мою жизнь это рыжее чудо-юдо, и вот что вышло. Мозги вроде как сами собой перезаточились на будущее с ее участием. Ни договоров вслух, ни формальностей, ни громких слов. Просто раз – и такой вот камень на моей шее, что ни капли и не тянет.

– Да слезь ты с него. Вот же кобылка здоровая! – заворчал Николай. – Больно же мужику.

– Больно? – всполошилась Лизка, тут же отлипая от меня. – Корнилов, ты раненый, что ли?

Засуетилась, давай сумку мою спортивную хватать, глазами шарит. Ну спасибо тебе, Шаповалов.

– Нормально все со мной, в дом давай веди.

– Вы что мне с Лизкой тут сделали? – шепотом спросил Яра за столом пару часов спустя. Посиделки были без Боева. По словам Шаповалова, того впору было переименовывать в Кощея, что вместо злата чахнет над своей карамелью и их недавно родившимся сыном.

– Совсем дурак дураком стал, – фыркнул Колян, на что Камнев только усмехнулся, буркнув «угу, погоди, какой сам будешь».

Роксана только что позвала Лизку помочь ей медвежат уложить, добродушно махнув рукой на чуть обиженное «а я?!» от папаши-гризли.

– А что не так? – удивился Камнев.

– А что так? Ни тебе джинсов рваных, ни стрелок до ушей, за столом сидит, молчит, ни одной гадости не ляпнет.

Мою ржавчину реально было не узнать. Вся прилизанная какая-то, окультуренная, футболка обычная, без патлатых рож рокеров, бряцалок, что на себе тонну таскала, и в помине нет. Ни одного бранного слова. Чудеса.

– Хм... – прочистил горло Шаповалов. – Я бы пояснил тебе причину волшебной метаморфозы, но ты ж на эту тему и слышать ничего не хочешь. Поэтому просто напомним тебе об очевидных вещах: любая особь женского пола имеет базовую потребность нравиться. А радикально меняют они себя и свой имидж, только когда хотят понравиться конкретной мужской особи, чей вкус, как им кажется, угадали.

– Ученый у нас Колян, особенно под коньяком когда, – хмыкнул Яр, разлив еще по одной, – но прав, однако.

– Да ну вас!

Спустя час, когда мы обсудили все рабочие вопросы в общих чертах, веселенького уже Николая приехала и забрала его заметно беременная жена Александра, которую он едва целиком не проглотил в «приветственном поцелуе». Глядя на них в окно, я в очередной раз осознал, до какой степени мне нужна женщина. Вот прямо край, аж в голове зашумело, а в паху окаменело. Может, надо было с ними в город напроситься, а не оставаться на ночь у Камневых. Скоро совсем соображать же перестану и буду перманентным стояком двери открывать.

Разошлись мы вскоре, и моя ржавчина увязалась мне показывать, куда меня ночевать хозяева определили.

- Ну, рассказывай, как дела у тебя? – спросил у Лизки, стягивая свитер через голову.
- Хорошо, – она чуть замешкалась с ответом. – Мы же завтра домой поедem, да?

Вообще-то, не стоит так сразу. Мне бы недельку на отрыв, так, чтобы гульнуть без оглядки.

– У меня еще дела кой-какие, Лиз. Погостишь еще несколько дней у Камневых, а? – спросил, не глядя на нее.

– Я скучала... – прошелестело за самой моей спиной, и вдруг Лизка обняла меня вокруг торса и прижалась губами сзади к шее. Тупое тело откликнулось на жар женского и вжавшиеся округлости, и я, охренев, шарахнулся вперед. Ступил неловко ногой с протезом, равновесие потерял и прямо рухнул на постель мордой вперед.

– Ты сдурела? – рыкнул, переворачиваясь. – Что творишь?

– А ты маленький, что ли, Корнилов? – набычилась девчонка мигом. – Тебе еще и объяснить нужно? Может, еще и инструкцию письменную накатать?

Она решительно подступила впритык и вдруг опустилась на колени прямо между моих коленей и уставилась на ширинку. А я развалился перед ней, ну чисто девка соблазняемая, прости господи!

– А ну кончай это! Херню удумала! – рывкнул я, резко выпрямляясь, и толкнул ее в лоб ладонью, вынуждая шлепнуться на задницу, и встал, отходя к окну. Вот это как я дожил до такого?

– А ты как будто слепой, Корнилов! Ты же умный и видел, что мне нравишься. Я люблю тебя, не понимаешь, что ли! Люблю и быть с тобой хочу!

– Охереть! Лиза, да в ум-то приди! Какое, к хренам, «люблю»?! Какое «быть»?!

Сука, на меня прям косноязычие от неожиданности напало. А больше еще от того, что никак *баную примитивную физиологическую реакцию не скрыть. Не про ее это честь, но стыдобища-то какая!

– Обычное, человеческое. Я не ребенок, Миша, увидь ты это, – и она вскочила и схватилась за край футболки, потянув ее с себя. – Я уже женщина! Совершеннолетняя к тому же!

– А ну стоять! – приказал, останавливая этот спонтанный стриптиз. – Дура ты совершеннолетняя! Чего себе навдумывала? Какая, к чертовой матери, любовь? Ровесника вон найди и влюбляйся!

– А я тебя хочу!

– Лизка, кончай эту чушь нести! Марш в свою комнату и спать ложись!

– Нет! – Лизка топнула и кинулась на меня, будто избить собиралась, но я поймал ее за плечи и удержал на расстоянии.

– Миш, Миш, Миша-а-а! – гладила она меня по щекам. – Ну пожалуйста, я же люблю тебя!

– Господи, да что за хрень, Лизка! Я тоже тебя люблю, но не так же! И ты меня не так! Запуталась просто.

– Сам ты запутался! Задолбал со своей порядочностью! Говорю тебе – хочу тебя!

– Да откуда тебе знать, чего ты хочешь?

– Я не дура наивная!

– Ой, ну правда, что ли? А кто, дама многоопытная?

Лицо Лизки исказилось, словно я ее по лицу ударил. Сука, лишнее ляпнул, похоже.

– Так вот в чем дело? – перестала напирать и отступила она. – В том, что у меня не было еще ни с кем?

– Что? – обалдел я окончательно от такой интимной инфы и ее придопbnутого вывода. То есть я подозревал, что при всей ее напускной распушенности и самоуверенности на самом деле она дуреха невинная у меня, но не готов услышать все впрямую. Я в принципе не готов с ней на околосексуальные темы разговаривать.

– Я знаю, что мужику нужно, ясно? Знаю! И доказать могу! Могу!
– Лизка, все, баста, кончай! Тему эту закрываем раз и навсегда! Ты и я в этой плоскости – не бывать такому никогда!

– Да пошел ты! – зашипела она взбешенной кошкой и вынеслась из комнаты.

– Фу-у-ух! – выдохнул, ощущая себя так, будто на мне только что поле перепахали. И сердце еще барабанит, нервы звенят, член гудит, паскуда. Ему же, дубине безмозглой, все равно. Живое тепло, мягкая кожа, женское тело рядом было. Тьфу, ну чисто как животное стал! Вот что воздержание с мужиком делает.

Быстро натянул спортивный костюм и вышел из комнаты. Внизу в гостиной наткнулся на Камнева.

– Я знаю, вы мне говорили, – огрызнулся я на его пристальный тяжелый взгляд. – Пойду побегаю. И я поводов никогда не давал!

– Угу.

– Она сама не понимает, что говорит.

– Угу.

– Ей просто нужен близкий человек, и она думает, что если вот это все, то я ее не брошу. – Ну, бля, наконец-то у меня мозги заработали.

– Угу.

– А я и так не брошу.

– Ну вот это ей все и скажешь. Беги давай.

Я и побежал. Улица поселка с фонарями быстро кончилась, и я попер нервы успокаивать по гравийке, хоть и все неровности покрытия отдавались лишней болью. Но она закончилась раньше, чем в моей башке бурлить хоть немного перестало. Уже собрался повернуть обратно: бегать по лесу в такой темнотище, после дождя, даже без проблеска луны – тот еще поиск проблем на свою жопу. Но тут услышал, что кто-то рвет движок, явно буксуя. Пойти помочь, толкнуть, авось поднапрягусь и пар выйдет?

Пока шел, обходя лужи на убитой дороге, буксовать машина перестала. Сдались? Какого только понесло сюда в такую погоду? Глаз, что ли, нет, что все трындец как раскисло? Точно какие-нибудь дурные влюбленные. День у меня, смотрю, на них урожайный, сука.

Вздрогнул, уловив какой-то странный звук. Хотя чего там странного. Женский плач, даже скорее уж вой. Перешел с шага на бег. Похоже, не влюбленные. Неужели кого-то силой... За*башу, тварь!

Вылетел на тачку, застрявшую в колее. Светлый «Ситроен», точный цвет не разобрать, номеров не видать – все грязью уделано. Окна запотевшие, но я, прижавшись лбом, прежде чем ломиться, сумел-таки разглядеть девушку. Одну. Согнулась над рулем и ревет. Вот же бестолочь, вперлась и нет бы помощь идти искать, так села и воет. Баба, чего с них возьмешь. Постучал в окно, и она вскинулась, перепугалась.

– Девушка, помощь нужна? – спросил для проформы. Чего тут спрашивать, и так понятно, что нужна.

Не церемонясь, распахнул дверцу. И мне в башку тут же ее ароматом и взглядом таким сокрушительным ба-бах! влетело, что я чуть в ту лужу и не сел, где стоял. Как по коленям кто бревном врезал, и еще одно бревно в штанах образовалось. Да что на хер за напасть-то такая со мной? Совсем из человека разумного в членоголового дебила превращаюсь!

Глава 6

– Вы кто? – сипло после рева и с перепугу спросила у незнакомца, старательно шурясь в темноте. Силилась рассмотреть и понять, видела ли я этого громилу среди гостей Свана.

Мужчина был высоким, мощным, но совершенно не грузным. И какого-то черта бродил в темноте в лесу.

– Михаил Константинович Корнилов, – ответил он так, будто представляться полностью ему не привыкать. – Как угораздило застрять? Разве не видели, какая дорога и погода?

Спрашивал таким строгим тоном, что внутри все дрогнуло. Или это что-то иное?

– Михаил Константинович... – повторила я на автомате. – Я... не видела.

Неслась не глядя, уходя от померещившейся погони, в действительности сбегая от унижения и причиненной боли.

– В смысле? – Мне не было видно в темноте, но подумалось, что он сильно нахмурился. И зачем-то захотелось рассмотреть его лицо. Пока относительно четко видела только его подбородок. И очертания нижней губы, отчего невольно прикусила свою.

– Не важно, – мотнула головой. – А вы зачем здесь? То есть... вас за мной послали?

– Никто меня никуда не посылал, – буркнул он таким тоном, как будто на самом деле еще как послали, причем совсем не за мной. – Выяснять будем кто-зачем-куда или из колеи тачку вытаскивать? Привод передний?

– Что? Я не...

– Понятно. Так, я сейчас соберу ветки потолще и под колеса намошу, чтобы зацепиться было за что в первый момент. Газовать будете, как только скомандую.

– Не буду, когда скомандуете, – пробормотала, все еще пялясь на него неотрывно.

– Это почему? Предпочитаете вежливые просьбы вместо команд? Я могу и командовать вежливо.

У меня от каждой его фразы и так-то колючие мурашки множились, но после последней, сказанной с каким-то подтекстом и едва уловимой насмешливостью... или поддразниванием... Я рехнулась? Мне почудился намек на флирт? Нет, черт возьми. Мне не почудилось. Это не он со мной флиртовал, это у меня вдруг что-то в голове стало происходить. Что-то, чему не место в разуме замужней женщины, в чем я была твердо уверена. Еще несколько часов назад. Что я бы отвергала, отрицала, осуждала бы. Всегда. Но не сейчас. Не после той безобразной сцены в проклятой бане. Я смотрела на темный силуэт склонившегося над моей дверью почти незнакомца Михаила Константиновича Корнилова и не гнала видение того, как он протягивает руку, обхватывает мой затылок, наклоняется и целует. Меня. Я не запрещала его себе. Только внезапно гадала, как это будет на вкус, с какой интенсивностью. Каким может быть поцелуй другого мужчины. Того, кто не мой муж. Осознавала, насколько это неправильно, недопустимо, порочно. Это же как месть, как мерзкая компенсация. Низко, мелко, ничего не исправит, только добавит еще больше грязи в мой брак. Только теперь в ней буду и я. А есть ли этот брак уже?

– Не заводится, – ответила, тряхнув головой в попытке прогнать этот морок.

– Кто? – А вот теперь это уже совершенно точно то самое. Дразнящая, провокационная нота в простейшем вопросе. И я увидела его губы, слегка кривящиеся в усмешке. В горле пересохло. Грудь почудилась тяжелой, слишком чувствительной, мышцы бедер непроизвольно напряглись.

– Не кто, а что. Машина больше не заводится.

– Хм... позвольте? – он жестом указал на руль, явно намекая освободить ему место. Я что, серьезно собираюсь позволить залезть ко мне в салон чужому человеку, здоровенному мужику? Ночью? В лесу? Ой, а вот замысли он худое, мое разрешение или запрет прямо-таки

ему хоть куда-то вперлись бы! Как будто, будь он маньяком, меня бы спасло, если бы заперлась в салоне. Мало ли что делал человек в лесу.

– А вы, позвольте узнать, что здесь дел... в смысле, как оказались?

Мужчина шумно выдохнул, я его, похоже, достала.

– Я бегал. Люди это делают иногда, знаете ли, спорт и прочие причуды. Конкретно здесь я оказался, потому что услышал, как вы движок свой насикуете, буксуя. Решил, помощь нужна. Но теперь вижу, что не особенно. Вам просто поговорить было не с кем, да?

– Мне помощь нужна.

– И?

– И? – Божечки, я, как какой-то попка-дурак, только и делаю, что повторяю за ним.

– Двигаться будем, красавица?

– Да, конечно, – опомнившись, я быстро перебралась на пассажирское сиденье, и Михаил занял мое место. Пружины скрипнули чуть испуганно, принимая вес его крупного тела, а я была вынуждена снова сглотнуть пересохшим горлом, когда его аромат наполнил салон. Он пах... силой. Да, именно так. Сильное мужское тело, которое только что трудилося физически. Потело. И это нечто совершенно иное, нежели просто пот от жары. Этот запах был... вкусным. Мне захотелось вlepить себе оплеуху.

Мой спаситель повернул ключ, и мотор завелся. Раз – и все. Загорелись все лампочки на приборной панели, что до этого не подавали признаков жизни, и даже неожиданно вспыхнул тусклый свет в салоне, потому как дверь все еще была открыта. Михаил повернулся ко мне весь и склонил голову набок, уставившись пристально в лицо.

– Заводится.

– А... а у меня нет.

– А у меня – да. Заводится. Все и сразу.

– Вы думаете, я этого не вижу? А у меня не заводилось.

– И часто?

– Что?

– Проблемы подобного характера.

– С машиной? – Ну а с чем же еще? Очнись, Лена!

– Ну, допустим, с ней.

Очень интеллектуальная, наполненная глубоким смыслом беседа. Особенно если учитывать, что мы смотрели друг на друга в упор. И со мной от этого визуального контакта происходило нечто дико пугающее. В сознании будто взвыла тревожная сирена, заморгала красная лампочка предупреждения, но все это стремительно стало отодвигаться на задний план, в то время, как все мое внимание захватывал жадный, буквально осязаемый взгляд Михаила, медленно скользивший по моему лицу от глаз к губам, вниз до груди и так же неторопливо назад. Он трогал меня глазами, клянусь, впервые в жизни я ощущала подобное, и это шокировало интенсивностью воздействия. Я знаю, что такое раздевающие взгляды, знаю, какими бывают откровенно похотливые. Этот был тоже таким... но другим. Другим и, судя по всему, заразным. Бывает, смотришь, как кто-то пьет, утоляя сильнейшую жажду, и вдруг тоже хочешь, хотя вроде бы и не испытывал нужды в воде секунду назад. Вот и я сейчас. Ловила то, как все отчетливее трепещут его ноздри, как ускоряется, тяжелеет его дыхание, и мое собственное подстраивалось под этот ритм. Пульс разгонялся, кожа грелась, внутри зарождалась такая уже почти позабытая вибрация желания. Господи, я уже действительно, кажется, и позабыла, как это – испытывать его адресно. Не просто как постоянную абстрактную неутоленную и старательно игнорируемую потребность. А как созвучие такой же потребности в своем партнере.

– Первый раз, – произнесла, чувствуя, что во рту окончательно пересохло, а в груди ноет-ноет.

– Первый?

– Да. – А мы о машине или уже совсем не о технике?

Осознание, что же происходит и что действительно чувствую, напугало, и я подалась назад, врезаясь затылком в стекло.

– Так что, план в силе? – голос Михаила сел и огрубел. – Палки под колеса. Я толкаю, вы газуете.

– Меня Елена зовут. И можно на «ты».

– Можно. Это хорошо, когда можно.

Он покинул салон, предварительно опустив стекло, а я перебралась быстро обратно и замерла, застигнутая врасплох новой волной запретных ощущений. Сиденье хранило его тепло, и это снова воспринималось как прикосновение, даже объятие. Господи помилуй, да что же это такое-то?

– Ну с богом, Лена. Давай! – громко сказал Михаил минут через десять, во время которых он появлялся и исчезал, как призрак, кружа у машины.

Подняв целый шквал грязных брызг, я таки выскочила из ямы и закричала от радости. В этот момент сверкнула молния и загрохотало. Я распахнула дверцу, оглядываясь.

– Михаил Константинович, садитесь скорее в машину! – крикнула я. – В грозу быть рядом с деревьями опасно, а в автомобиле можно.

– Да куда же я полезу, весь в грязи.

Точно, он же сзади толкал, окатило, небось, с ног до головы.

– Да ерунда какая, я все отмою, – отмахнулась я и ляпнула то, от чего сама замерла в изумлении: – Ну или снимите костюм.

– Ну или сниму, – согласился он и занялся избавлением от одежды. – Но тогда некоторые вещи станут очень уж очевидными, и, надеюсь, ты к этому готова морально.

– Что?

По крыше затарабанил ливень, хлынувший сразу стеной, и я не могла его видеть до тех пор, пока он не распахнул дверь и не нырнул в салон. В одних трусах. Я отвернулась, уставившись в лобовое стекло так резко, что даже в шее что-то хрустнуло. Но это мало чем помогло. Мимолетного взгляда хватило, чтобы вид его мускулистого голого тела словно отпечатался на сетчатке, и сколько ни моргала, никуда оттуда не девался.

– Обратно ехать не вариант, здесь не развернуться. Вперед потихоньку. Может, хоть на открытое место выберемся. Не хватало еще, чтобы дерево какое на тачку завалило ветром.

– А если опять застряну?

– Со мной не застрянешь, Лена.

Послушавшись его, я на черепашьей скорости поехала вперед, шурясь в попытке рассмотреть хоть что-то за стеной дождя.

– Во! Гляди, там озеро или речка вроде!

Я еще ничего не видела, но спустя полминуты блеснула очередная молния и действительно отразилась в водной глади. Река.

– Все, тормозим. Можем попробовать тут развернуться и назад, если ты, конечно, хоть чуть дорогу знаешь.

– Не знаю. Совсем.

– Тогда есть разумное предложение дожидаться утра и уже при нормальной видимости двигаться. Ясное дело, что населенный пункт совсем рядом, но, если поворотом где ошибемся, есть вероятность еще больше заблудиться. Ну или я могу сходить в поселок за помощью.

– Что? Нет! Не нужно никуда сейчас идти!

Дождь прекратился столь же внезапно, как и начался. Я все так же сидела, как замороженная, уставившись перед собой. Но это никак не меняло того факта, что я ощущала присутствие Михаила рядом все интенсивнее. Воздух между нами словно становился гуще, горячее, тяжелее, окутывая и замыкая в одно общее пространство.

– Лен! – хрипло позвал Михаил, и все мои усилия отвлечься, не думать, взять под контроль чокнувшееся либидо испарились бесследно от того, как прозвучал его голос. Голос откровенной нужды. Жажды. Той самой. Неимоверно заразной. – Бояться нечего. Не меня. Только если сама хочешь.

– Я не... – замотала головой, зажмуриваясь. Разве можно так? Это что ж такое, а? Разве не должны люди к этому как-то прийти? Симпатия, общение, притяжение, сближение... Это же нельзя, чтобы руку протянул и взял. Без разговоров, без моральной подготовки... или можно?

– Вас понял, – отрывисто бросил Михаил и порывисто распахнул дверцу.

Я проводила глазами его широкую спину и неожиданно опять испытала что-то вроде паники. Только теперь от того, что упускала нечто. Возможность узнать, познать. Которой может никогда больше не быть. Скорее всего, не будет.

Выскочила из салона, мысленно обзывая себя дрянью распутной. Михаил присел у берега и обмывался, черпая воду.

– Я хочу! – не сказала, от нервозности почти выкрикнула и отвернулась, испугавшись своей смелости. Ну вот и все. Отступить поздно.

Глава 7

Удержаться от того, чтобы не взлететь от ее «я хочу!», как от выстрела стартового пистолета, было, сука, подвигом каким-то. Из тех, что ни за что повторять не хочется. Два слова, а меня от макушки и до яиц прошило, аж зубами скрипнул от мгновенной судороги в промежности. Животина, ты, Корнилов, ой животина, от похоти ох*евшая вкрай. Прямо-таки ломая себя, я облился еще, окончательно смывая грязь, и поднялся, даже не ощущая боли в культе. Заметила она? Может, и так. Может, нет. Но какая теперь разница? Я вот заметил тонкий ободок обручалки на ее пальце. Замужем. Остановило это меня? Ни-хе-ра. В самый первый момент так, чуток притормозило. Но только уткнулся взглядом оголодавшим в ее припухшие после плача губы, ключицы эти, тонкие до хрупкости, рассмотрел – и поровну стало. Перестало это иметь значение. Как и многое, многое другое. До какой степени скотство – тянуть лапы к чужой женщине. Как она тут оказалась. Почему одна. Кто такая в принципе. Кто придет отрезать мои яйца за то, что трону. Еще как трону, так истрогаю, что места, моими пальцами не обожженного, на ее коже не останется. А прийти кто-то должен. У такой, как эта моя-на-прямо-сейчас Лена, обязательно должен иметься кто-то, готовый горло рвать за нее любому. Не может не быть. Носи она мое кольцо, я бы еще как пришел. Хотя нет. Я бы хер допустил, чтобы рядом с ней вот так кто смог оказаться. Я бы, бл*дь, яйца самцам вокруг чикал в качестве превентивной меры. На всякий. Даже зареванная, с размазанной тушью, отвечающая нормально через раз и в костюме, плюшевом, похабно-розовом, с блестяшками, смотревшемся на ней чем-то инородным, она выглядела каким-то, мать его существом не от мира сего. Тут и в этом всем по какой-то причудливой ошибке, в силу невероятного стечения обстоятельств оказавшейся. Инопланетянка высшей утонченной расы на мою озабоченную башку. Эдакое создание едва ли с человеческой природой, что всматривалось в меня так забавно, беззащитно как-то шурясь, явно не только из-за недостатка света, но еще и из-за плохого зрения. Рассмотреть пыталась меня, но открывалась при этом сама вся. Все как на ладони. И то, что среагировала на меня, как и я на нее, на пустом месте – и мигом оба в жаре. И что боролась с этим, шокированная происходящим. И хотелось ее внезапно так, что аж багровой мутью в голове то и дело все подергивалось и крышняк косило из стороны в сторону, так и норовя сорвать совсем, освобождая уже от всяких уз цивилизованности и вменяемости. Я и из тачки вывалился от греха подальше, потому что это ее «я не...» – пустой звук, когда у самой соски торчат, мне глаза в кровь режут, и бедра, она не замечает как, сжимает. Еще пара секунд – и похрен бы стало на все «не». Нанизал бы на себя, как бабочку, и кричи-бормочи что хочешь, Лена. Уж я бы позаботился, чтобы как раз «не» там было только как «не останавливайся».

Но ты сама, сама. «Я хочу!» Налетел на нее, стоящую спиной, съезжившуюся, перепуганную собственной смелостью. Втер практически в бок тачки, размазывая под собой, ныряя с ходу ладонями под одежду, сразу к голой коже, обжигая холодом еще мокрых рук. Я тебе, глазастая ты потеряшка, одуматься, назад сдать не дам. Она шокированно вскрикнула, дернулась, но я только стиснул сильнее, сразу, без реверансов вжимаясь стояком в ее поясницу. Ртом, открытым жадно, прошелся везде, куда попал: висок, скула, мочка уха. Будто мордой в лето окунулся. Пахнет медом, слезами, липой, дождем, похотью мосей, что уже никаких краев не видит. Уже на свободе. Снесло. Лизал, кусал, целовал шею, зарывался в волосы, урча, что тот кот, от жадности над беспечно угодившей в мои лапы жертвой. Захапал в ладони груди, спихнув со своего пути лифчик, тискал, наглаживая пальцами съезжившиеся в камушки соски и толкаясь сзади. А она, все еще зажатая, замерла, как зверек в западне, подо мной. Дышит так, будто вот-вот задохнется. От паники? От возбуждения? Должно иметь значение, но нет. Но уже не остановиться. Она позволила. Сама. И я возьму. Сколько смогу. Наткнулся лицом на проклятые тряпки.

– На хер все это! – захрипел и, схватив как попало, содрал с нее все через голову и швырнул на капот.

Лена всхлипнула, взвываясь на цыпочки, а я обхватил ее вокруг талии, фиксируя, снова загреб второй рукой упругую плоть, уткнулся лицом в изгиб шеи. Приподнял чуть и перенес, как куклу, не прекращая и на полвдоха терзать кожу ее шеи и плеча, дуряя от вкуса, аромата. Развернул и бесцеремонно, но мягко толкнул в грудь, вынуждая откинуться на капот на свою же одежду.

– Михаил... – нервно выдохнула Лена, рванувшись назад, оперлась на локти. Что ж ты никак не отпустишь себя, девочка? Решилась ведь, так давай, полетели.

– Замри! – рыкнул, наверное, грубовато и подхватил ее под колени, роняя обратно, лишая возможности вскочить.

– Миша, я немного не...

Не готова? А ты и не готовься, не держи себя, все равно все будет.

– Я вижу, – оборвал, не тормозя ни на секунду, не давая ей думать и замерзнуть, и так же рывком освободил от штанов разом с трусами, оставив те болтаться на одной тонкой лодыжке. Развел ей колени, разок всего лишь мазнул взглядом по открывшемуся виду и, преодолевая жалкое сопротивление, накрыл собой. Проклятый обрубок отозвался режущей болью в таком положении, да только плевал я.

Лена не оттолкнула и самую малость не боролась, во вдохе только просквозило вроде как разочарование. Уже считаешь меня скотиной, что все себе и для себя? Не торопись с выводами, инопланетянка, в моих планах нет посрамить земных мужиков в глазах всей вселенной. Любовник из меня сейчас, конечно, говно полнейшее, потому как уже и так яйца – камни, член колом, выдержка на минус сотом уровне, прижало так, что за малым зубы не лязгают от нетерпачки. Бывало, что хотелось мне в жизни сильно. У любого нормального мужика бывало. Но чтобы так... Иллюзий нет. Засажу и приплыву. Так что, милая, девушки вперед.

Добрался, наконец, до ее рта, захватывая его сначала нахрапом, завоеывая. Напирал, оглаживал языком, вынуждая открыться. Попробуй меня, маленькая, и дай мне попробовать тебя. Лена осторожно, словно я зверь неведомый, положила ладонь мне на затылок, тонкими пальцами скользнула по коротким волосам и только потом впустила. Выдохнула тихонько, отвечая, позволяя безмолвно уже сразу и все, поддавая жару мне в и так полыхавшее нутро. Вино сладкое на вкус, а в бошку лупит как спиртюган на голодный желудок. Повело так, что как и не забыл, что ей сначала надо, не знаю. Оторвался от губ, чтобы совсем не перемкнуло. Уставился в лицо ей, в глаза, большие, пьяные, охреневая. До чего же красивая, зараза. Лена-Лена, ты, видно, компенсация мне какая-то от сучки-судьбы, и я эту компенсацию всю до доньшка выберу. Жрал-облизывал-целовал ключицы, между грудей, что в мои лапы уложились, идеально наполняя, сдвигал их, прихватывая, царапая зубами соски. И девочка моя со звезд поплыла-таки. Застонала робко, заерзала, за плечи цепляться, гладить стала. Не так и много надо, да, будь ты хоть миллион раз не от мира сего? Да только все, понесло меня, и малым ты не откупишься, не накормишь земную зверюгу, голод которой растравила. Все тиская ее грудь, прошелся ртом по ребрам, вниз к пупку. Нырнул языком, оцарапал зубами бедренные выпирающие косточки.

– Миш! – всхлипнула Лена, вскидывая голову. Живот втянула бедолажка перепуганная и ноги попыталась сдвинуть. Нет, девочка, не пойдет. Ты позволила. Сказала «я хочу!» Теперь, значит, как я хочу. А я хочу тебя сожрать. Хочу, чтобы на язык мне кончила, и я это выпью до капли, а потом уж оторвусь.

– Тихо! – не позволил ей свести колени, опускаясь еще ниже, прикусил мягко кожу на гладком лобке.

– Миша, мне не над... – Да смотри, какая ты неумная-то!

– Мне надо! – отрезал, подхватив под коленями, и вздернул выше так, чтобы опиралась только на лопатки, и присосался сразу, вталкивая язык между мягкими, бархатистыми губами, напаривая с ходу им ту самую волшебную, выключающую у баб все их «не надо» кнопку.

Спасибо одной замечательной «учительнице» из моего прошлого. Была у меня давным-давно, в бытность еще курсантом-девственником, дама постарше с особыми вкусами. Традиционным сексом она не занималась от слова вообще, практикуя исключительно взаимное оральное удовлетворение, так что девственности в привычном понимании я с ней не лишился, но приобрел весьма полезный опыт довести женщину ртом до вершины в считанные секунды, если есть необходимость. А сейчас не то что необходимость была, а п*здец какая крайняя нужда. Бл*дский обратный отсчет пошел, гонка на скорость. Я доведу Лену до финала быстрее, или она меня своим вкусом и реакцией. Как только нашел то самое волшебное местечко, ее так разметало-затрясло, что приходилось впиваться в ее бедра, чтобы не слетела с капота. Дугой высоковольтной вскидывается, прям на голову встает, обратно падает, стонет в голос, плачет, руками шарит-мечется-хлопает, пятками меня колотит куда придется. Сокращается внутри и течет-течет! Будто нарочно для меня, от жажды столько сдыхавшего, так щедро.

– Миш-Миш-Миша-а-а! – заскребла ногтями по металлу, головой замотала. – Божечки, помоги!

Нет, девочка, это я тебе тут помогаю, а ты меня, зараза отзывчивая, убиваешь к хренам.

– Не-могу-не-могу!

Еще как можешь. Уже почти там. Мне по языку, губам прямо ручьем потекло, дрожью мелкой бедер ее, сжатиями внутри прострелило всего, криком Лена захлебнулась, давая мне отмашку. Все, мне теперь!

Выпрямился, скалясь, как зверь, от мучительного предвкушения, сжирая глазами то, как же ее колбасило. Перевернул ее, еще всю содрогающуюся, дернул к себе, подхватывая под животом. Встал поустойчивее – и на себя, в нее. Всадил, протолкнувшись с лету до корня, до пошлого кайфового шлепка под Ленкин беспомощный вскрик, а она – огонь, мокрый пламень, лижет там, жмет жадно всего. Замолотил, рывками натягивая на себя, не соображая больше, не щадя ни себя, ни ее. Она опять в крик, в стоны протяжные, добивая меня, как будто и так не на краю уже был. В башку как шар пламени влетел, вышиб мозг, хлынул по позвоночнику к яйцам и вырвался из тела кайфом и болью, от которых сам хрипел как при смерти, кончая чуть не целую вечность. Навалился на дрожащую в отголосках своего оргазма Лену, и дергало и дергало от промежности по всему телу сладкими волнами. На хер воздержание! Так и сдохнуть недолго. Не юноша ведь кончать так, что чуть башка не оторвалась, как мотыляло всего. Так что...

– Хорошо, но мало.

Глава 8

Говорить я еще не могла. Как и дать определение тому, что только что произошло. Помимо того, конечно, что совершила ужасное. Низость. Изменила Сергею. По собственной воле. Не соблазненная. Не принужденная. Полностью осмысленно. По большей части осмысленно, потому как объяснения внезапного, стихийной силы влечения к постороннему мужчине у меня не было. Но все это пока было не актуально. В голове царил полный хаос, как в городе после смерча, и горел красной лампочкой только один вопрос: это что такое только что со мной сотворил Михаил? Нет, ясное дело, что это был секс. Но в то же время... У меня был раньше секс, и это не он! Не те ощущения, что мне случалось пережить и в лучшие моменты с мужем. Даже не приближалось. А мы с Сергеем этим занимались по любви! Когда-то. Он был моим единственным, у меня и мыслей, фантазий о других мужчинах не случалось никогда. Даже когда все стало плохо и я страдала от обделенности в чувственных ощущениях, не мелькало этого «а что, если?». И не настолько уж давно у нас было в последний раз хорошо, чтобы я забыла все начисто. Но шок, пережитый телом и сознанием, никуда не девался. Секс с Михаилом был чем-то ошеломившим или даже в какой-то мере разрушившим во мне что-то. И вот это-то я четко осознала уже сейчас, едва только трясти всю перестало.

– Не шевелись, – пробормотал Михаил, освобождая меня от своего буквально размазанного по капоту веса и своего же присутствия во мне. Сразу стало холодно и пусто во всех смыслах. – Есть у тебя салфетки? А то я тут... хм... Лен, у тебя сейчас хоть безопасные дни?

– В бардачке, – проямлила, утыкаясь запыхавшим лицом в свою же одежду.

Господи, что же я натворила?! Стыд-то какой! С чужим, едва знакомым мужиком, без всякой защиты, в чистом поле, считай...

Хоть сквозь землю от такого позора проваливайся, не говоря уже о возможных последствиях.

Внутренней стороны бедер, по которым щедро потекло, только он вышел, коснулось прохладное и влажное, и я подпрыгнула, осознавая, что так и лежу, как велел Михаил: голая, лицом вниз и с услужливо оттопыренной задницей.

– Тш-ш-ш, приберу за собой, – надавил чуть мне на поясницу мужчина, удерживая на месте. – Красивая ты... – продолжая вытирать меня между ног, отчего я уже чуть заживо не сгорала, но не рвалась, он стиснул одну ягодицу. – Глазам больно, какая... Повезло мне... Еще хочу.

– Миш, я... – выпрямилась наконец, прекращая изображать распластанную «делай что хочешь» живую куклу.

– Да, ты, Лен, – перебил он, обхватывая меня за талию и направляя опять куда ему вздумается, то есть к распахнутой задней двери. – Теперь ты, девочка.

Обнял меня снова сзади, вжимая в себя, и взялся целовать изгиб шеи. А у меня, как по волшебству, и колени мигом подгибаться стали, в низу живота потянуло, мышцы сжались, еще не отошедшие от его прошлого шокирующего вторжения, забились в тяжком, дурманящем ритме в разуме. Голова как сама собой откинулась, давая ему пространство для поцелуев, а поясница прогнулась. Я – шлюха!

– Миша, я не знаю, как так вышло, – рванулась смехотворно, – я никогда...

– Ага, я понял. Ты никогда, и это у тебя в первый раз. – Михаил отстранился, обошел меня и сел на сиденье. Потянул на себя за руку, принуждая забраться на него. Его массивный, стремительно наливающийся прямо под моим ошалевшим взглядом член бесстыдно вытянулся на его бедре, и я от этого вида снова испытала импульс сжать ноги, чтобы унять вспыхнувшую между ними алчную боль. Что же за развратная ненасытная тварь-то во мне таилась до сих пор! – Голову осторожно, Лен.

Говорил он и без тени насмешки. Дыхание опять тяжелое, но голос ровный. А ему ведь плевать, да? Первый там у меня раз, или я действительно шалава, что прыгает на мужиков постоянно. Хотя я она теперь и есть. Плевать, почему я решилась. Драма у меня семейная, или нет. Он просто мужик, которому на пустом месте вдруг секс обломился. Вроде как сам собой прямо. На кой ему знать мои трудности, все эти как-почему-что-потом. Как только все закончится, мы помашем друг другу и я останусь для него лишь воспоминанием об эротичном приключении. А он для меня?

– Иди сюда, девочка, замерзнешь ведь, – потянул он меня снова на себя, и я подчинилась. Ему плевать и ладно. Мне тоже пока. Сделанного не переделаешь, так чего уже мелочиться? Падать в пучину греха – так без остатка.

– Ой! – Мою лодыжку что-то оцарапало, что-то странное, и я притормозила, хотела посмотреть. Но Михаил властно обхватил мой затылок и буквально уронил на себя, втягивая в напористый поцелуй.

А я и поддалась, скользнула ладонями по его груди, вытягиваясь на нем. Мне нравилось, какой он сильный, твердый, горячий подо мной, как мои груди расплющивало на мощных плитах его грудных мышц. Обласкала плечи, мускулистую шею, лизала кожу, изучая и запоминая этот солоноватый вкус. В мой живот вжимался его налитый член, пульсация в нем прошивала меня насквозь. Сильные руки стискивали мои ягодицы, крепко, не жалея, а мне и это нравилось, и то, как основание его толстой плоти давило, натирало какую-то дико чувствительную точку между моих ног и я стонала прямо в его требовательные губы. Целовала в ответ, входя во вкус и внезапно наслаждаясь тем, что этот самый вкус иной, не тот, к которому я привыкла. Ведь поцелуи Сергея давно вызывали у меня отторжение. Вечно чудилась горечь от понимания, кого он еще целовал. Хотя, может, и не целовал. Картинка в бане вдруг опять вспыхнула перед глазами, вырывая из пелены возбуждения, которой меня с поразительной легкостью накрывал мой случайный любовник.

– Что, Лен, что? – напрягся подо мной мужчина и сгреб пряди, вынуждая вернуть контакт наших ртов. – Ты не переживай, я чист. Никаких болячек, слово даю.

– А вдруг у меня есть? – приподнялась над ним, упершись руками в мягкое сиденье.

– Херня, – фыркнул Михаил, толкнулся вверх бедрами и, будто мстя за отказ в поцелуе, взял и сдвинул выше. Так что моя грудь оказалась в пределах досягаемости его рта, чем и воспользовался. Прикусил и тут же заласкал языком сосок, заставляя вскрикнуть и заерзать. – Я же вижу, какая ты.

– Какая?

– Голодная, Лена, очень голодная. И отзываешься так, словно и не ласкал тебя никто людски никогда.

Мне стало обидно. Обидно, потому что правда. Потому что моя жизнь показалась такой жалкой. И больше всего обидно, что он, незнакомец, едва узнавший меня, с легкостью это почувствовал.

– Я замужем, вообще-то.

– И что? Херовый у тебя муж, значит, если у него женщина недоласканная настолько.

Ну да, вот почему все, скорее всего. Увидел, что я лаской обделенная, и решил: не откажет Лена, можно смело вперед. А слабая на передок Лена и не отказала. Ну а что такого? Мужик засек возможность и воспользовался. А кто эту возможность предоставил? Правильно, я. Именно то, что мне Сергей и говорил. Нормальный, с понятиями силой на чужую женщину не полезет. А раз полез, значит, позволила и дала понять, что готова. Крайняя и шлюха всегда женщина. В моем случае уж точно. Никто за язык не тянул, сама проорала это «я хочу!».

– А ты в этом специалист? – уставилась сверху вниз в лицо Михаилу. Я так и не узнаю, какого у него цвета глаза. В темноте салона я только видела, как они поблескивают, выглядя

темными провалами. У него очень резкие черты лица. Или скорее уж лаконичные, что ли. Очень мужские.

– Нет, маленькая, я просто охрененно везучий тип, выходит, раз ты мне вот такая горячая и изголодавшаяся досталась. Потому что я тоже голодный просто жечь.

Он захватил губами мой сосок и втянул его сильно, начав дразнить языком, и я вскрикнула, ощутив, что его пальцы уверенно проскользнули между ягодиц, провокационно задержавшись у мышечного колечка, и двинулись дальше. Нашли мою влагу и погрузились внутрь под мой новый стон и его сдавленное шипение.

– Горячая какая... – пробормотал он, – мокрая... течешь вся... Говорю же, голодная... девочка моя голодная. – Он с силой обхватил снова мои ягодицы, пачкая кожу моей же обильной смазкой, и сдвинул по себе ниже, так что головка члена уперлась в губы естества. – Сядь на меня, Лен, давай, маленькая. Хочу в тебя...

А я и села, и впустила, и в крике зашлась, когда он стал насаживать меня на себя, с легкостью поднимая и опуская, точно как послушную, открытую для его нападков куклу. Принимала его полностью, сколько он хотел, хоть и казалось при каждом толчке, что чересчур, что много, что слишком. А он брал, брал, был снизу, но все равно не позволял забыть, кто тут всем управляет, в чьей власти я и мое наслаждение. А я кричала, дурела, с ума сходила, то растекалась по нему, то вскидывалась, когда что-то делал, угол менял, когда пальцами... куда никто до него... Хныкала, пощады просила, смущалась, а он рокотал властно, уговаривал, подчинял, отбирал волю, даря взамен чистое удовольствие.

Вскинулась, выпадая из дремы, куда провалилась после не знаю какого по счету оргазма, когда Михаил сместил меня с себя.

– Тш-ш-ш, спи еще, маленькая. Я тут по нужде быстренько, – пробормотал он и коротко, но весомо поцеловал. Как будто пообещал-пригрозил продолжением, и меня заново жаром облило от предвкушения нового сладкого подчинения.

Обдало холодом, и я, поежившись, села. Посмотрела на то, как Михаил, чуть-чуть прихрамывая, идет к ближайшим кустам. Рассвело почти совсем, и наконец я могла рассмотреть своего любовника четко и в полный рост. Взгляд скользнул по его жестким ягодицам к мускулистым бедрам вниз, и я обмерла. Ниже колена на левой ноге... это же протез? И с этим он бегал, толкал мою застрявшую машину, практически таскал меня и сексом занимался? А я и не увидела, не поняла! Господи!

Неожиданно сквозь деревья что-то замелькало. Огни прыгали вверх-вниз. Фары едущей по ухабистой дороге машины! И едет она, похоже, прямо сюда! И есть все шансы, что это Сергей с друзьями по мою душу. А тут... Михаил, один, да еще и инвалид. Лена, гадина, ты же его приговорила, считай. Ясное дело, что и самой голову отшибут, но ему-то за что? Сама ведь, сама.

Выскочив из машины, я схватила смятый и грязный проклятуший розовый костюм, насквозь промокший от утренней сырости. Швырнула его на сиденье рядом, запрыгивая на водительское прямо голышом.

– Лен, ну чего вскочила! Холодина, блин, – окликнул меня Михаил, но я крикнула «спрячься, умоляю!» и захлопнула дверцу. Рванула с места, уносясь по берегу и молясь, чтобы был еще один проезд. Даже если и найдут Мишу одного, то без меня никакого ведь криминала, да? Ну любит мужик голышом побегать.

Камни летели из-под колес, и в голове стучало только «хоть бы послушал меня!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.